

МИР РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: СКАЗЫ И ОБРАЗЫ

УДК 398.21+101.1

ББК 82.3(2Рос)

Матушка Ефросиния

О СИЛЕ МОЛИТВЫ, РОДНОМ ЛЕСЕ И ЗВЕРИНОМ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Текст сказки дает представление о новом сказочном жанре — ноосферно-экологической утопии, который сформировался в условиях обострения противоречий между корневым народным сознанием и нецивилизованным расхищением природных ресурсов современным новорусским бизнесом.

Text of the fairy-tale is the representation of a fabulous new genre — noosphere-ecological utopia, which was formed under the conditions of growing contradictions between the national radical consciousness and «barbarian» plunder of natural resources by modern youthful Russian business.

Жила-была в наших краях бабушка Аля. Любящая была, справедливая и болело её беспокойное сердце за всё, что творилось вокруг. Иногда ночи не спит, переживает она за зло людское, и за обиды несправедливые. Всех-то она жалела, всем помогала, как могла, и словом и делом.

И молилась она Богу за тех, кто страдал. Костром до неба возносилась её молитва. Первой приходила она на защиту несчастным.

Когда стала она старенькой, то сильно болела. Иногда проснётся и рассказывает, что видела во сне. И рассказы эти, словно детские сказки. Ведь работала она всю свою жизнь детским врачом и детей очень любила. В жизни не пройдёт, бывало, мимо плачущего ребёнка — ласковым словом утешит, обнимет, гостинчик подарит, добрую книжку почитает или стихи. И своих деточек одна поднимала, внучков вынянчила, да ведь мир не без добрых людей и ей помогали.

Много сказок записано с её слов. Вот одна из них, про то, как зверушки лес спасали.

Много на нашей Святой Руси дивных мест — и сказочных дремучих лесов, и голубых озёр, и золотых полей.

Вот в одном таком сосновом лесу, раскинувшемся на многие и многие веси, жили звери и птицы: зайцы и ежи, белки и лисички, волчки и лоси, кабаны да рыси, а птиц-то разных и не счесть: и орланы белохвосты, малый да большой подорлики, филины, белые лазоревки, утки — шилохвости, связы, широконоски, гоголи, кряквы, трескунки, нырковые утки — морская и хохлатая чернети, красноголовые нырки.

Жили они дружно, лакомились лесными дарами — ягодами да грибами. И людей не обижали, а люди их не трогали. Ходили себе в лес, собирали, кто что любит, купались в сказочно небесных озёрах и радовались жизни. А когда у людей не случалось работы или был неурожайный год, лес становился их настоящим и единственным кормильцем — всего-всего насобирают они — малинки, землянички, чернички, орешков, грибков разных — запасут на зиму — и горя не знают. И всякое дыхание тогда да хвалит Господа.

Все любили свой родной сосновый лес, слагали про него стихи и песни и пели под гармошку. А лес щедро дарил им и жильё, и здоровье, и силушку молодецкую.

Но вот беда поползла по той заповедной земле. Откуда ни возьмись, свалился на их голову из дальних далей злой волшебник Няо. Стал рубить он их лес, грузить на большие машины и куда-то увозить.

По-воровски бегут машины и ночью и днём, на всех парах бегут, только ветер свистит за ними, да пыль дорожная поднимается, глаза застилает.

«Куда поехал наш лес? — спрашивали звери друг друга, — наверное, строит себе колдун большой терем».

Но прошло время, а лес всё рубят и рубят, машины всё едут и едут, и нет им конца.

Заволновались лесные жители: «Что же у него дворец-то до неба что ли, как башня Вавилонская?».

И послали они одну маленькую прыткую птичку проведать, куда же увозят срубленные деревья.

Долго ли, коротко ли, прилетает та шустрая птичка в родные края, вся слезами обливаясь:

— Ох, насмотрелась я на горюшко то наше — говорит она, — возит Няо лес далеко-далеко и меняет его на золотые монетки. Много уже монеток у него в кладовых, а хочется ещё больше. И пока он весь наш родной лес не вырубит, то не успокоится, вот ведь какая беда-то ждёт нас всех.

— Да как же так!? — возмутились все вокруг, лапками застучали, крыльями захлопали. Как же расстроились звери и птицы, как тревожно и быстро забились их маленькие сердечки.

— А что же люди-то, люди-то что же спокойно смотрят на такое кощунство?

— А людей он запугал — пожаловалась птичка, — кто только посмеет ему слово сказать против, тут же и исчезнет, как его и не бывало. И грузят ему люди брёвна, работая за копеечку. Словно он околдовал их, лишил воли и чувств.

Долго-долго горевали звери, до ночи сидели поникшие птицы на сосновых смолистых ветках. А потом придумали.

Решили они искать помощи у Бога-Творца, создавшего всё живое вокруг. Пришли они к храму — Дому Божьему на земле. Видят — стоит женщина в цветастом платочке и молится, молится так горячо, глядя на вознёсшиеся к небу кресты. Читает молитву, заглядывая в листок, губами шевелит, душой молится.

Молча ждали звери и птицы, затаив дыхание, с лапки на лапку переминаясь. Вот видят, положила странница листок с молитвой у входа в храм, и куда-то исчезла.

А тут и дети пришли. Стали они читать по буквам, а звери слушают, что же там написано.

А написано там было вот что. Что прислали эту молитву из славного города Новгорода и просили всё живое и всех живущих на Святой Руси молиться ежедневно, обращаясь ко Господу с такими словами:

«Спаси нас, Боже Праведный, всех вместе, отврати Лице Твое от грех наших общих и личных и отдай нам обратно наше богатство Россию, обрати врагов наших вспять. Аминь».

— Видно не один колдун напал на нашу землю, а целое воинство — подумали звери, — раз весь народ на молитву поднимают. Значит, не только наш лес рубят да на золотые монетки меняют.

— И мы будем молиться — решили все лесные жильцы. Разбежались они по своим норкам, разлетелись по гнёздышкам.

Молятся зверушки день, молятся ночь, и малых детушек своих на молитву ставят.

А птичка-невеличка и свои слова к той молитве общей прибавляет: «Господи, вразуми злодея, уничтожающего лучший в мире сосновый лес, а если это невозможно, то поставь преграду на его пути в наши края. Господи, сохрани нашу природу — основу нашей жизни».

И ждут все — что же будет. Улетает молитва к небесам, сливается она в один молитвенный хор людей, зверей, птиц и всех страдающих за свою землю любимую.

Вот проходит время, ведь только сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается. И случается вот что.

Заболел волшебник Няо. Разломило его грудь, тоска напала на него. Стал он сначала покашливать, потом совсем разболелся. Заболели его лёгкие. Лес — лёгкие земли он уничтожал, а свои лёгкие у него болеть стали, из строя вышли.

Бросился он к врачам своим заморским, золото награбленное из сундуков достал. Да не тут-то было. Полечили-полечили его, да и отказались. Неизвестной болезнью его оказалась, неизлечимой.

Таёт злой колдун, вспоминает все свои тёмные дела. Задумался он наконец: как предстанет перед Божьими очами?

Совсем исхудало справное его тельце, осунулся он, и злато его не радует и утхи земные ему не любы, да и не нужны стали.

И повезли его, в конце концов, в лесную заповедную чащу, которую он рубил так безжалостно, добывая себе богатство.

Посадили его в кресле золочёном посреди сосен корабельных и оставили одного. А леса-то, леса — островочек остался — всё за море уплыло и здоровье, и пропитание, и силушка молодецкая. Обескровил он жителей этой земли, опустошил землю. Оглянулся он вокруг, а кругом — словно битва прошла — пожарище лесное, руины да валежник, страшное зрелище. Подождут — да рубят, подождут — да рубят его верные стражи, за монетку ему служившие. Стыдно вдруг ему стало, проснулась в нём совесть.

День сидит колдунишко, второй, дышит он сосновым воздухом, а на третий день чувствует, словно лучше ему дышать стало. Раздышался он немножко, встал со своего царского кресла и на лесной мир посмотрел.

— Ох, какая красотища — воскликнул он. — Какой чистый хрустальный воздух, птички на ветках поют — Бога славят, букашечки и муравьи в траве ползают — трудятся, солнце сквозь ветви льёт потоки — снопы света, как в храме, светит, улыбается.

— Уж не в раю ли я стою, — подумал Няо. — Что же я с топором да пилой полез на землю райскую?

Исцелился в лесу Няо, заплакал он горячими слезами оттого, что жил в нём злой дух, дух жадности и жестокости.

— Смилуйся, Господи, помоги мне всё исправить, — прошептал он. — Ты создал этот лес заповедный, исцеляющий, а я на него войной пошёл, прости меня.

И тёплые слёзы окутали его глаза. Вышел из него дух злобы и ненависти к Божьему миру, и излечилась его душа. А излечилась душа — ушла и его болезнь. Вот ведь как, детушки мои.

Скоро сказка сказывается, вот уж и конец показался.

Купил Няо на все свои запасы молодых сосёнок и стал их сажать, лесников созвал, да и сам с лопатой ходит, сажает — вину свою искупает.

Прижились сосенки, возмужали. И стал он строить среди них здравницы-лечебницы. У кого лёгкие слабые, больные — едут сразу же в лес этот волшебный — поживут-поживут и выздоравливают. А сколько деточек больных здесь поправилось — и не счесть!

А Няо и по сию пору жив и добрые дела делает, Бога больше не гневает. Из разбойника превратился он в хорошего человека, уважать его стали. Никогда не поздно опомниться!!!

То-то рады звери, птицы, то-то счастливы люди:

— А мы-то думали, уж конец света пришёл, антихристы народились, а нет, ещё поживём, будем жить — не тужить, Бога любить и Родную свою землю хранить!

Вот и сказке конец, а кто молиться будет — молодец!